

БЛАГОУХАННЫЙ ЦВЕТOK КИТАЙСКОГО ИСКУССТВА

Тосно Чжу Ин-тай в просторных покоях отца. Всем сердцем стремится девушка узнать мир, хочет отправиться в Ханчжоу, хочет учиться. Но разве может древний обычай позволить это? И старый Чжу не пускает Ин-тай.

Ин-тай не сдаётся. Она переодевается в костюм хироманта, приходит к отцу и предсказывает, что его дочь ждет несчастье, если она останется дома, что будет лучше, если он позволит ей жить в Ханчжоу.

Чжу Ин-тай сама разоблачает свой обман. Но отец понял, что ему не удержать смелую и настойчивую девушку. И когда Чжу Ин-тай говорит ему, что если она переоденется, то никто не распознает в ней женщину, старик соглашается.

И вот в теплый солнечный день Чжу Ин-тай, сопровождаемая своей служанкой и верной подружкой Ин Син, весело идет в Ханчжоу.

Лян Шан-бо, молодой студент, тоже идет в Ханчжоу. Он очень мил, этот Лян Шан-бо. Он хороший собеседник. И мысли Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай так близки. Вот только одна беда — не узнал бы Лян Шан-бо, что она девушка. А тут еще забывчивая Ин Син назвала ее барышней. Но Лян Шан-бо не очень наблюдателен, и все обходитесь благополучно. Они уже друзья и так же весело, как до сих пор, вместе продолжают свой путь. Так светло и радостно начинается китайская опера «Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай».

В последующих картинах сохраняется это жизнедающее мироощущение. Прошло три года. Чжу Ин-тай горячо полюбила своего благородного друга. И он, не подозревая, что Чжу Ин-тай девушка, бесконечно всей душой тянется к ней. На пришла пора расстаться. Чжу Ин-тай должна вернуться к отцу. Разлука с милым невыносима для нее, и Чжу Ин-тай пытается дать понять провожающему ее другу, что она девушка. Но тот так привык видеть в ней такого же, как он, юношу, что никак не может понять этого.

И только когда Лян Шан-бо узнает, что такая Чжу Ин-тай и что она ждёт его, он понимает природу своего влечения к ней и, охваченный пылкой любовью, отправляется в дом Чжу Гун-юаня, чтобы стать мужем Ин-тай.

Но здесь в действии оперы происходит трагический перелом. Любовь юноши и девушки хоть и была взаимной, принесла им одни страдания. Она натолкнула на страшную силу феодальных обычаев и законов. Отец просватал Чжу Ин-тай за богатого и знатного Ма Ван-пая, сына местного мандарина. Смятение и тревога овладели Чжу Ин-тай, но сделать она ничего не могла. Ее отец был упрям и жесток. В поведении дочери, жалившей против воли отца выйти замуж за любимого ею Лян Шан-бо, он видел бунт, посягающий семью.

В слезах повелала девушка своему любимому о поразившем их несчастье: Чжу Ин-тай и Лян Шан-бо должны были расстаться навсегда.

Лян Шан-бо не вынес разлуки. Горе убilo его. Чжу Ин-тай, узнавшая о его смерти, тоже решила умереть, чтобы быть вместе с Лян Шан-бо, живым или мертвым. И когда свадебная процессия Чжу Ин-тай порывалась с могилы Лян Шан-бо, небо внезапно покрылось темными тучами, свернула молния, грянул гром. Могилы раскрылись, и Чжу Ин-тай, сорвав с себя свадебный наряд, сошла в нее.

Мрак рассеялся. Снова засверкало солнце. Радуга перелинула через все небо своей саяющей многоцветной мост. А из могилы чудесно появились двояковыпуклые цветы, вылетели два веселых мотылька. В них обрелись души Чжу Ин-тай и Лян Шан-бо. Теперь они будут вместе всю их короткую, но радостную жизнь!

Легенда, на основе которой создано это поэтическое творение, роилась более 1000 лет назад. Минуло уже около 600 лет с тех пор, как она приняла форму драматического представления. За это время она претерпела множество метаморфоз, исполнялась театрами различных стилей, менявшими и манеру сценического воплощения и драматургическое развитие сюжета.

Омпилованная веками, она и сейчас сохраняет неувядающую прелесть, красоту и совершенство художественной формы. В ней живет дух страстного протеста против предрассудков феодального общества, утвердивших человеческую личность. «Лучше смерть, чем жизнь без свободы», — таков вывод, к которому приходят неизвестный автор легенды. Эти вечные темы воплощены в опере с огромным национальным своеобразием и художественной силой.

На сцене Шанхайского театра шаосинской оперы эта жемчужина китайского народного творчества обрела новую прекрасную жизнь.

«Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай» — именно опера, то есть спектакль, в котором музыка имеет решающее значение, определяя весь ритм спектакля, являясь основным выразительным средством, окрашивающим всю его эмоциональную настроенность.

Но вместе с тем в опере этой очень большое значение имеет и речевое начало. И вся несколько замедленная драматургия ее построена с расчетом на восприятие музыки в ее соединении со словом. Это, конечно, затрудняет понимание действия человеком, не знающим китайского языка. И тем не менее оперу «Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай» смотришь увлеченно, с живым волнением за судьбу ее героев. В этом сказывается высокое художественное мастерство артистов Шанхайского театра шаосинской оперы, удивительная экспрессивность их игры, филигранная, подобная китайской графике, отточенность сценического рисунка, правдивость сценического поведения. Когда на сцене появляется Чжу Гун-юань (Чжан Гуй-фын), зритель забывает, что он видит перед собой женщину. Перед ним хитрый злой старик, медлительные движения которого разорваны и расслаблены. И, видя названного и непосредственного Лян Шан-бо, зритель ни на мгновение не подумает, что его играет артистка Фан Жуй-юань. Наоборот, и во второй картине (первая встреча Чжу Ин-тай и Лян Шан-бо) и двух последующих сценах он в переодетой студентом Чжу Ин-тай будет видеть именно переодетую девушку и вместе с ней будет бояться возможного разоблачения. Этот дар перевоплощения поистине изумителен.

Шаосинская опера, как известно, откалывается от символического классического китайского оперного театра, сохранив, однако, некоторую условность сценических приемов (вместе того, что спектакли исполняются только женщинами, здесь можно, например, указать на ритмическую плавность и задержанность жестов, редкую танцу, на специфическое решение сцены провоза, длящегося 18 лет). Однако, эта условность никоим образом не вредит реалистической правдивости образов, созданных талантливыми артистами. И здесь прежде всего хочется назвать Фан Жуй-юань, исполнительницу роли юности Лян Шан-бо. Артистка тонко пронизывает из его недоумения в сцене провоза. На лице актрисы и в ее жестах читается недоверие, радость, всю многогранную гамму чувств, охватившую Лян Шан-бо, когда он узнал, что Чжу Ин-тай — любящая его девушка. С потрясающей силой выражения передано ею безмятежное горе Лян Шан-бо, вызванное неминуемой разлукой.

Образ Чжу Ин-тай — выдающееся достижение актрисы Фу Цюань-сян. Цыганская и нежная девушка со смелой, открытой и страстной душой — такой предстает Чжу Ин-тай в начале оперы. В последующих сценах оперы, особенно в предсмертной арии-монологе, образ Чжу Ин-тай обретает огромную драматическую силу: несчастье и страдания не сломили ее, а наоборот, сделали бесстрашной и мужественной.

Яркий, характерный образ строгого ревнителя феодальных традиций Чжу Гун-юаня создала Чжан Гуй-фын, артистка, обладающая многогранным дарованием.

Роль жены учителя в опере занимает второстепенное место. Однако она исполнена Цзинь Янь-фан с такой подкупающей некрепностью, душевным благородством и мягкостью, что надолго останется в памяти. Любовно, весело и грациозно играет

На снимке: сцена из оперы «Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай». Слева направо: Чжу Ин-тай — артистка Фу Цюань-сян, Лян Шан-бо — артистка Фан Жуй-юань. Фото А. Трошина.

роль служанки Ин Син одаренная артистка Лоу Сяо-тай.

Вокальные партии оперы «Лян Шан-бо и Чжу Ин-тай» сложны и ритмически прихотливы. И нужно обладать выдающимся мастерством, чтобы петь их так непринужденно и свободно, с такой завидной легкостью и интонационной чистотой, как это делают китайские певицы. Но, пожалуй, в еще большей степени их вокальное мастерство проявляется в том нерасторжимом единстве, в котором пение, музыкальная выразительность слиты с драматической игрой, мимикой и жестом.

Музыка китайской оперы, скромно названная в программе аранжировкой, включает развитые оркестровые эпизоды и крупные музыкальные формы (например дуэт-диалог Чжу Ин-тай и Лян Шан-бо в седьмой картине). Она отличается запоминающейся мелодичностью и яркой контрастностью. В этом отношении наиболее показательны три последние картины оперы, когда после патетичной напряженности седьмой и восьмой картин звучит веселое свадебное шествие, сменяющееся музыкальной картиной грозы, за которой в свою очередь следует просветленная и умиротворенная радостная музыка финала.

Оркестр в опере звучит тонко и красочно. Свообразные тембры китайских народных инструментов умело используются для усиления эмоционального воздействия музыки. Таково, например, употребление низких смычковых инструментов, обладающих очень «теплым» и благородным тембром, в музыкальном атракте перед последней картиной оперы или идиллическое звучание деревянных духовых инструментов типа флейт в четвертой картине, где музыка тонко передает душевное состояние героев. Очень разнообразно применяются в партитуре ударные инструменты, столь излюбленные в китайской музыке. Они то самостоятельно сопровождают пение своим затейливым ритмическим рисунком, то вместе со всем оркестром создают ощущение веселой беззаботности в первых картинах оперы, то вызывают ощущение страшной, неотвратимой угрозы (мрачные раскаты гонга в восьмой картине оперы, в момент, когда Чжу Ин-тай узнает о смерти Лян Шан-бо). Прозрачная, но полновзвучная партитура оперы свидетельствует о хорошем вкусе и тонком понимании музыкальной драматургии исполнившим ее дирижером Ку Чжен-сна.

Той художественной радости, которую получаешь от спектакля, в значительной степени способствуют великолепные декорации и костюмы, национально своеобразные, яркие и колоритные и в то же время необыкновенно гармоничные, полностью сливающиеся со всем стилем спектакля (художники Син Си, Су Шин-фын и Хуан Цзы-си). Это стилистическое единство, красота и общая стройность спектакля — огромная заслуга его режиссера Хуан Ша.

К. САКВА.